

стровском сборнике (л. 123) ее сопровождает четкая надпись: «Молится святый Борис в шатре святому Спасу», в Уваровском, л. 28: «Святый Борис и Глеб молится в шатре милостивому Спасу». Введение в текст надписи Глеба — очевидная бессмыслица, так как отрока, уже по одной одежде и по отсутствию сияния нельзя было принять за Глеба. Ошибка объясняется, если принять, что переписчик Уваровского списка копировал со списка, в котором надпись была полужатерта; он сохранил единственное число «молится», вместо «святому» прочел «милостивому». Его невнимание добавочно объяснимо и тем, что надписи к рисункам были исполнены им раньше, чем сами изображения.²³ Итак, существование общего лицевого протографа можно считать обоснованным.

Даже усилив аргументацию Д. В. Айналова и А. В. Арциховского, нельзя, однако, согласиться с предложенной ими датировкой этого протографа XII в. Анализ стиля миниатюр протографа (т. е. характерных черт, общих миниатюрам Сильвестровского и Уваровского сборников) улавливает столько примет, типичных для XIV в. (господствующих именно в Сильвестровском), что время его составления никак нельзя вынести за пределы этого столетия. То обстоятельство, что протограф был носителем черт более архаичных, выдвигает в свою очередь вопрос о его протооригинале. Собственный, однако, протограф Сильвестровского сборника XIV в. и Уваровского сборника XVI в. возник не ранее начала XIV в., что подсказывается также сравнением списков так называемой Сильвестровской редакции. Сам А. В. Арциховский, отмечая, что представленные мечи и миндалевидные щиты преобладали в XII—XIII вв., указывает, что подобные образцы известны и для XIV в. Существенно также, что сабля в сцене убийства Глеба в обеих сериях одного типа. Это золотоордынская сабля XIV—XV вв., известная по кубанским курганам, с характерной крестовиной с расширенными лопастями.²⁴ Она, вне сомнения, взята рисовальщиками обоих сборников из протографа.

Наконец, следует поставить вопрос, в какой степени хронологическая ограниченность цикла миниатюр может являться свидетельством составления первоначального цикла миниатюр до 1115 г., когда уже появилась завершенная редакция Сказания?

Сказание о чудесах имеет наряду с полной (Успенской) редакцией также разнообразные по составу краткие редакции, а сама статья о перенесении мощей 1072 г. встречается в рукописи отдельно и в различных сочетаниях с другими описаниями чудес. Неизвестен, однако, ни один список анонимного Сказания, который замыкался бы описанием 1072 г. Следует также отметить, что все сохранившиеся списки «кратких» редакций Сказания о чудесах, как показали археографические изыскания С. А. Бугославского, вторичны по отношению к древнейшей редакции, тождественной по составу с Успенским сборником XII в. Это тем более показательно, что сам С. А. Бугославский считал Сказание о чудесах произведением трех авторов, каждый из которых продолжал в разное время труд своего предшественника.²⁵

Отсутствие в рукописной традиции следов, подсказывающих такую возможность, само собой, ее не исключает. Но самое слабое звено в по-

²³ Эта очередность труда четко наблюдается на лл. 47 об., 49 об., 50 об. и 52 об. Уваровского списка. В Сильвестровском сборнике надписи изготовлялись уже после исполнения миниатюр.

²⁴ См.: Сильв. сб., л. 132 об.; Увар. сб., л. 36 (А. В. Арциховский. Древнерусская миниатюра..., стр. 173 и сл.).

²⁵ С. А. Бугославский. 1) Памятки..., стр. XII—XV, текст № 11, стр. 155—170; 2) Древнерусские литературные произведения..., стр. 156—189.